Андрей Неклюдов

Танечка

Часть сборника
Нефритовые сны (сборник)

Андрей Неклюдов

Танечка

«Институт соитологии (ИС)»

Неклюдов А.

Танечка / А. Неклюдов — «Институт соитологии (ИС)»,

ISBN 978-5-457-10928-5

«Грамотный и вдумчивый читатель, безусловно, оценит блестящий по мастерству и бесстрашный по психологическому анализу рассказ „Танечка“, написанный в самых лучших традициях русского реализма. Этот рассказ невольно напоминает страшный и печальный рассказ замечательного русского писателя Виктора Астафьева „Любочка“. Но не сюжетом… Разумеется, в обоих рассказах заметно сходство: в том и другом случае – изнасилование героини. Но какая разница в развитии фабулы! И ежели в рассказе В. Астафьева работает динамика, „экшен“, результат, то рассказ А. Неклюдова построен на тончайших психологических нюансах, потрясающих порою неприглядной, но глубокой жизненной правдой! Как и Минздрав – мелкими буковками на сигаретных пачках – я предупреждаю: чтение этой книги может быть опасно для здоровья… но только тех, кто заранее настроен против этого вида литературы» (Лев Куклин, писатель, литературный критик)
Книга адресована искушенному читателю, ценителю тонкой, психологической эротики.

ISBN 978-5-457-10928-5

© Неклюдов А.
© Институт соитологии (ИС)

Содержание

Рассказ 5
1 5
Конец ознакомительного фрагмента. 8

Андрей Неклюдов
ТАНЕЧКА

Рассказ

1

Танечке едва исполнилось тринадцать, когда это произошло…

Дом Танечкиных родителей на два километра отстоял от станционного поселка, где имелись магазин, почта и школа. Танечкин путь к школе пролегал сперва по тропке мимо покосившегося реденького забора соседнего участка, мимо раскидистой узловатой рябины, густо увешенной в эту осень оранжево-красными гроздьями, затем – маленький отрезок – вдоль ручья с темной, цвета чая, водой, несущей первые опавшие листья. А дальше, уже до самой станции, Танечка шагала по железнодорожной насыпи, с двух сторон которой тянулся тощий кустарник, переходящий глубже в сырой мшистый еловый бор, где летом можно было за час набрать трехлитровый бидончик черники.

Обратно домой Танечка чаще шла не одна, а в небольшой веренице людей, прибывших на вечерней электричке. Однако два раза неделю, после занятий в группе аэробики, ей приходилось проделывать свой маршрут в одиночестве. Примерно в этот же час следовал товарный состав. Рельсы начинали нервно дрожать, спереди нарастал тяжелый ритмичный гул невидимого поезда. Танечка продолжала идти навстречу этому гулу и сходила с путей, лишь когда из-за плавного поворота железной дороги показывалась зеленая набыченная голова локомотива и звучал длинный сердитый гудок. Громадные колеса, черные, с зеркальным ободом, одно за одним катились мимо, обдавая Танечку ветром, запахом металла и смазки. И всякий раз с леденящим и в то же время каким-то упоительным ужасом ей воображалось, будто она оказывается под этими страшными неумолимыми колесами. Губы ее бледнели и начинали слегка подрагивать, глаза застывали, широко раскрытые. Танечка безотчетно несколько раз судорожно стискивала коленки – и тогда щекочущие ощущения между ног, возникающие при виде этих чудовищных колес, быстро перерастали в острую пронзительную сладость.

В тот вечер она также брела по шпалам одна. Товарняк уже прошел, оставив после себя какую-то особенно осязаемую пустоту.

Незнакомый человек возник на насыпи в одночасье, неуловимо, как если бы он лежал на обочине, а затем резко поднялся. Танечка оглянулась назад: до станции, где горел тревожно-красный, как будто предупреждающий об опасности, огонек, тянулись голые, тускло мерцающие рельсы. Зато впереди уже виднелось перед поворотом полотна ограждение мостика, под которым в бетонной трубе пробегал ручей.

Сердце Танечки похолодело, когда она заметила что и чужак также посмотрел назад и вперед. Она не разглядела на расстоянии его лица, отметила лишь мельком высокий лоб с двумя залысинами по углам и темные западины глаз. Если побежать, то почти наверняка будешь первой у тропинки, берущей начало сразу за мостиком. А там уже и дома… Пока она решала, бежать или не бежать, высокая темная фигура очутилась рядом.

Танечка не успела даже по-настоящему испугаться, как лицо ее оказалось прижатым к пахнувшему путом свитеру, так что она не могла ни закричать, ни вздохнуть. Большая твердая ладонь прижимала ее голову, другая рука подхватила Танечку под попу, и по сотрясениям

и хрусту камней она поняла, что похититель сбегает с ней вниз по насыпи. Через несколько мгновений она уже лежала на спине под огромной толстоствольной елью.

– Молчи, – склонилось над ней свирепое лицо. С минуту мужчина пристально глядел ей в глаза – так, словно собирался проколоть ее этим взглядом насквозь. – Хочешь домой, к мамочке, тогда молчи, – повторил он глухо.

Танечка и так молчала, онемев от потрясения. К тому же ей казалось, что стоит закричать – и случится что-нибудь еще более страшное. Она лишь часто дышала открытым ртом и, как завороженная, глядела в эти пронизывающие глаза.

– Вот так, – несколько мягче промолвил незнакомец. – Будь умницей. Если будешь молчать, все для тебя кончится хорошо. Плохого я тебе не сделаю. Наоборот…

Пока он это говорил, его рука проникла Танечке под свитер и под майку, потом вниз, в трусики. Танечка пискнула, лицо ее вспыхнуло от стыда, от обиды и беспомощности, глаза защипало, и она заморгала часто-часто.

– Не бойся… Все хорошо… Ничего страшного, – бормотал чужак.

Стоя на коленях, он торопливо раздевал ее.

– Не надо, – попросила Танечка и вдруг дернулась в отчаянном порыве, пытаясь вывернуться из этих цепких лап. Но тотчас же увесистая ладонь больно ударила ее по щеке.

– Не шути со мной! – прозвучало над ней строго.

Внезапная душевная слабость, полуобморочная вялость и покорность судьбе вытеснили в Танечке остальные чувства. Ей показалось, что это уже не она, а кукла – тряпочная неживая кукла, которую треплют, дергают, как хотят, раздевают. И пока ее теребили, она широко раскрытыми глазами глядела на тяжелые мохнатые еловые лапы, нависающие над ней шалашом. Губы незнакомца тем временем присосались к ее животу. Продвигаясь сантиметр за сантиметром, они добрались в конце концов до того заветного мыска, где пробивались у нее первые темные волоски. Как будто слабый электрический ток пробежал по ее телу. Танечка насторожилась, смутно догадываясь, что будет дальше…

Сухие твердые ладони легли на колени ее вытянутых на влажном мху оголенных ног, с силой подали их вперед, к животу, и раздвинули в стороны. Танечка быстро свела их обратно, но мужчина решительно и сердито, словно врач, который знает, что делает, знает, что это необходимо, развел их опять. И Танечка больше не посмела противиться. Она лишь тихонько всхлипывала, ожидая боли, ожидая, что ее ударят снова, как минуту назад, или как это бывает в фильмах, которые она смотрела несколько раз по телевизору в отсутствие родителей.

Однако ничего такого не произошло. Вместо этого что-то влажное, теплое скользнуло по складочкам в основании ее ног, еще и еще раз… и вдруг проникло в ее зудящие от страха, от всего пережитого, как будто разбухшие и повлажневшие, никому не доступные до сих пор уста. Танечка напряглась, приподняла живот, но тотчас вся обмякла, окончательно сдавшись, коварно плененная этими нежно-пронзительными и болезненно-сладкими ощущениями.

Невольно ей вспомнилось, что она не раз мечтала о таком, испытывала что-то подобное во сне, где вот так же страстно и нежно мужчина целовал ее живот и ниже…Отчасти это напоминало и то тайное удовольствие, что бывало испытывала она в постели, поглаживая, лаская руками саму себя. С той лишь разницей, что происходящее сейчас было во много крат острее. Настолько остро, что на глазах у Танечки выступили слезы – слезы досады, что она не вольна противостоять – если не насилию, то хотя бы этому непрошеному наслаждению, – что ее тело не в силах отказаться от него.

Широкие мужские ладони гладили ее разъятые ноги, живот, маленькие бугорки едва наметившихся грудок, сдавливали слегка ее сосочки. Сильнее запрокинув голову, Танечка увидела под обвисшими игольчатыми ветвями серый шершавый ствол с мутноватыми капельками смолы на нем. И у нее возникло странное желание провести языком по этому шелушащемуся толстому стволу.

Голова мужчины мерно двигалась у нее в ногах. В какой-то момент Танечке даже захотелось изо всех сил сжать коленями эту голову – сжать так сильно, чтобы язык, выдавленный из нее этим сжатием, стал длиннее и еще глубже проник в нее, в Танечку.

Движения приостановились.

– Тебе приятно? – услышала она сиплый голос. – Скажи честно, тебе приятно?

Танечка чуть приподнялась на локтях и робко взглянула в лицо своего совратителя. У него был мокрый рот, мокрый подбородок, красные губы и раздувающиеся ноздри, а в глубоких впадинах подо лбом – темные, как дырки, глаза.

– Ну? Скажи. Скажи, что тебе приятно.

Танечка сглотнула слюну и, не отрываясь взглядом от этих страшных глаз-дырок, слабо кивнула.

– Молодец. Лежи спокойно и ничего не бойся. Только лежи и слушай, как тебе приятно – и все дела.

И снова сладкие волны побежали одна за другой от ее ласкаемой чувственной дырочки по всему худенькому девичьему телу. Снова закружились над головой косматые темно-зеленые кроны.

Танечке показалось, что вот-вот наступит то самое сильное, самое пронзительное блаженство, какое случалось у нее, когда при виде могучих колес поезда она сильно, до хруста, сжимала ноги. Но в это зыбкое мгновение мужчина, уловив, вероятно, ее трепет, ее невольное движение навстречу его губам, оторвался от нее и, повозившись, лег на нее сверху, глубже вдавив в мох. Он облизал ее губы, глаза и зашептал в ее ухо:

– Хочешь, я сделаю тебя женщиной? Зрелой женщиной? Я сделаю это аккуратно, совсем не больно. Тебе будет еще приятнее. Хочешь? Я не маньяк-убийца и не желаю тебе зла. Я сделаю тебе сладко. Ты хочешь?

Танечка молчала, с трудом дыша под тяжестью его тела.

– Можешь не отвечать. Можешь ничего не говорить, но если тебе этого хочется, мигни мне ресницами.

Танечка не успела ничего решить, как ее ресницы сами собой дрогнули и опустились. И больше она не открывала глаз, словно погруженная под воду. Теперь уже не мягкий язык, а нечто более твердое проникло в нее, но проникло осторожно, медленно, то чуть подаваясь вперед, то отступая. Боли не было. Было лишь слегка неприятно, как если бы ей под наркозом тянули зуб. А затем она ощутила это уже глубоко внутри себя, так глубоко, что ей почудилось, будто живот у нее приподнимается, подпираемый изнутри.

Стоя перед ней на коленях, поддерживая руками под бедра, мужчина двигал теперь ею столь энергично, что спина и голова Танечки елозили по мху, а шея подворачивалась. Но Танечка ничего этого уже не замечала. Она вся обратилась внутрь себя, где происходило что-то невообразимое и новое для нее, где двигалось инородное тело, распирающее, протыкающее и вместе с тем так сладко бередящее ее не в срок пробужденную женскую сердцевину. И в теле все нарастал и нарастал восторг и достиг, наконец, такой силы, что на какое-то время она почти что лишилась чувств.

…Дряблыми прохладными прядями мха он отер ее ноги, свой запятнанный кровью, все еще напряженный и такой пугающе близкий мужской орган.

– Поцелуй его, – не то попросил, не то приказал мужчина. – Поцелуй в благодарность, ведь он трудился, доставляя тебе удовольствие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.